

История экономических связей Алтайя с Западной Монголией насчитывает свыше двух столетий. Начало им было положено еще во второй половине XVIII в., когда некоторые предприимчивые русские переселенцы совершали поездки в Горный Алтай, где вели меновую торговлю с местными кочевыми народами. К 80-м гг. XVIII в. в Чуйской долине Горного Алтая, неподалеку от пограничных караулов, установился торг, в котором принимали участие русские торговцы, алтайцы, тувинцы, несшие службу на границе монгольские солдаты и приказчики китайских купцов. Судя по сохранившимся архивным документам, основателями этой торговли были бийский купец И. Хабаров и житель поселка Змеиногорского – Токарев, которые установили торговые контакты с так называемыми двоеданцами – алтайскими племенами, платившими ясак русскому царю и китайскому императору. Выгодность торговли привлекла других предпринимателей, подавляющее большинство которых являлись жителями г. Бийска и Бийского округа. В 20-30-х гг. XIX в. купцы построили в Чуйской степи несколько избушек для

хранения товаров, которые положили начало поселку Кош-Агач.

До середины XIX в. торговые связи в Кош-Агаче развивались полулегально, поскольку не были предусмотрены русско-китайскими соглашениями. Как отмечал бийский окружной полицейский исправник Е. Замятин, торговля на р. Чуе «возникла сама собой без всякого участия правительства, ... все торговые сделки на Кош-Агаче производились на честное слово, без всяких формальных условий».

Подписание между Россией и Китаем Пекинского договора 1860 г. и «Правил сухопутной торговли» 1862 г. позволило русским подданным выезжать за границу и перенести свои торговые операции в города северо-западной Монголии – Кобдо и Улясутай.

В 1864 г. группа торговцев во главе с бийским купцом В.А. Гилевым в сопровождении капитана Генерального штаба А. Принтца совершила поездку в Кобдо «... с целью испытать возможность завести без формальных дипломатических переговоров торговлю с Китаем».

В 1870 г. в северо-западную Монголию бийскими и семипалатинскими купцами были отправ-

лены два торговых каравана, которые сопровождал представитель Министерства иностранных дел кульджинский консул К. Павлинов. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, вызванные дунганским восстанием, торговцы выгодно обменяли привезенные фабрично-заводские изделия на скот, пушнину и серебро. «Здесь существует естественная потребность в русских товарах», – отмечал путешествовавший по Монголии академик В.В. Радлов. Это во многом объяснялось тем, что северо-западная Монголия являлась наиболее отсталой и неразвитой в экономическом отношении частью страны. «Угол кобдинский, – писал в 1877 г. Г.Н. Потанин, – это по отношению к Китайской империи все равно, что Якутская область по отношению к Москве – самый дальний, самый неведомый угол». Поэтому среди местного населения эта торговля сразу же получила признание, и привозимые русские изделия (ткани, железные изделия, выделанная кожа, галантерея) расходились хорошо. Очень скоро китайские коммерсанты оказались не в состоянии конкурировать с русскими купцами в продаже текстильной продукции. «Наши мелочные торговцы, – писал троицкосавский ветеринарный врач А.П. Свечников, – довели дело до того, что во второй половине 1880-х годов, по крайней мере, 3/4 населения кругом Улусутая одевались исключительно в русские бумажные ткани». Большой популярностью пользовались изделия из меди и железа. Так как в Монголии практически отсутствовало кузнечное дело, русские котлы, капканы, ковши, ведра,

ножи, листовое железо охотно покупались местным населением. Особым спросом пользовались разного рода инструменты – молотки, пилы, топоры, рашпили, которые, по словам руководителя научной экспедиции в Монголии и Китае В.Ф. Ладыгина, «...были всегда предметом восхищения китайцев, монголов и тибетцев, каждый желал купить их за какую угодно цену». В частности, он приводил пример, когда за ножницы для стрижки овец ему предлагали пять баранов.

Торговля с местным населением носила преимущественно меновой характер. В 70-80-е гг. XIX в. главным предметом обмена являлась пушнина, прежде всего шкурки сурка. В больших количествах они доставлялись на Ирбитскую ярмарку, где продавались западноевропейским, преимущественно немецким, меховщикам, которые изготавливали из них различные меховые изделия «под норку». Кроме пушнины бийские купцы вывозили из Монголии скот и шерсть. С середины 90-х гг. они стали устраивать здесь шерстомойни, на которых работали как русские, так и монголы, и в конце XIX – начале XX в. овечья и верблюжья шерсть становится важнейшим предметом вывоза из Монголии.

В организации своей торговли бийским купцам пришлось столкнуться с целым рядом трудностей. Несмотря на имевшиеся межправительственные соглашения, местные власти, зависевшие от пекинской администрации, препятствовали распространению российской торговли, в чем им активно помогали китайские

коммерсанты, видевшие в русских опасных конкурентов. По словам дипломата В. Кузьминского, китайцы, «...чтобы не допустить дальнейшего роста русской торговли и убить существующую, начали воздействовать всеми способами на монголов с целью сделать все сделки между русскими купцами и монголами невозможными без их посредства и отучить население от употребления русских товаров и изделий... Вырубка каждой жерди в лесу, пользование выгонами для скота обставлялись всяческими затруднениями, не говоря уже о неизменных взятках и вымогательствах при этом со стороны хошунных чиновников».

Русским купцам не разрешалось строить в Монголии собственные дома и лавки, и они были вынуждены арендовать их за высокую плату у китайцев. Это порождало множество бытовых неудобств и тормозило развитие торговли. «Люди ведут торговлю в Монголии десятки лет, – писал А.П. Свечников, – живут там почти безвыездно, многие с семьями, и не имеют других жилищ, кроме юрт или китайских фанз, и это не какие-нибудь бедняки, а люди со средствами, ведущие дела на десятки тысяч в год». Например, общая площадь фактории торговца Ф.И. Минина в Улясутае составляла около 20 квадратных метров, где размещались лавка, склад и жилище самого купца. Остановившийся у Ф.И. Минина в 1876 г. профессор Петербургского университета А.М. Позднеев так описывал это жилье: «Помещение это составляло комнату приблизительно в 4 квадратных аршина с двумя дверями: одною

на запад, выходящей во двор, и другую на север, соединяющей комнату с кладовой, через которую был проход в лавку. В каждой стене было проделано некоторое подобие русского окна вышиною в 1½ аршина, северная стена была занята кроватью. Под окном стоял русский стол, а стоявшие около него два табурета составляли всю меблировку комнаты». Еще хуже приходилось мелким торговцам, которые не могли себе позволить даже таких минимальных удобств и пользовались либо монгольскими юртами, либо парусиновыми палатками.

Лишь в конце XIX – начале XX в. бийские купцы, по договоренности с местными властями, стали строить торговые фактории, включавшие в себя жилые и торговые помещения, склады для товаров и иные хозяйственные постройки.

Расширению торговли мешало отсутствие удобных путей сообщения. Чуйский тракт, по которому перевозились товары, большей частью пролегал в труднопроходимой и безлюдной местности. Наиболее сложным был участок между Онгудаем и Кош-Агачем, где роль торгового тракта играла узкая горная тропа, вьющаяся по крутым, нависшим над рекой склонам. Здесь грузы могли перевозиться только вьючным способом. Как сообщал горный инженер И.И. Биль, «по щелям и крутым скалистым покатосям... клались две-три листовенничные жердочки повдоль тропинки; к ним поперек настился слой плоских или угловатых камней, которые сверху заваливались щебнем... Иной раз жерди, а даже и целые бревна, упираются на какой-нибудь незначи-

тельный выступ скалы, который, кажется, во всякое время готов обломаться и унести с собою всю настилку и проходящую по ней лошадь».

Особенно опасным было передвижение по тракту весной и осенью, когда тропа покрывалась льдом, и тогда, по словам Е. Замятина, «...самый искусный верховой ездок рискует на каждом шагу упасть с лошади и убится до смерти». Во время переходов из Онгудая в Кош-Агач, продолжавшихся от 10 до 14 суток, торговцам приходилось ночевать под открытым небом, подвергая свое здоровье серьезным испытаниям. Далеко не каждый это выдерживал. Е. Замятин сообщал, что некоторые предприниматели, «потеряв здоровье, отказались от продолжения торговли на Кош-Агаче, несмотря на всю выгодность этой торговли», а крупные купцы, «имеющие возможность при умеренных процентах получать хорошие дивиденды от своих торговых оборотов, не рискуют подвергать товары и свою личность разного рода случайностям, соединенным с потерей капитала и жизни».

Только в 1902 г. вьючная тропа была переоборудована в колесную дорогу, но и она не решала проблемы транспортировки больших объемов товаров.

Несмотря на все препятствия, торговля по Чуйскому тракту развивалась очень динамично, и, по официальным данным, ее обороты за период с 1870 по 1885 год увеличились более чем в 7 раз. Купцы «чуйцы» активно действовали не только в пределах северо-западной Монголии, но и пытались проникнуть на рынки Внутреннего Китая.

Уже в 1874 г. они стали собирать сведения об условиях торговли в китайском городе Гуй-хуа-чене, а во второй половине 70-х годов отправили туда несколько караванов с пантами и шерстью. После подписания в 1881 г. в Петербурге очередного русско-китайского договора бийскими купцами было предпринято несколько попыток организовать постоянную торговлю в китайских городах Хами, Гучене, Сучжоу. В 1886 г. в провинцию Ганьсу был отправлен большой караван с российскими текстильными изделиями, организованный на средства известной московской торгово-промышленной фирмы Т.С. Морозова. Эта экспедиция, возглавляемая бийским торговцем А.Д. Васеневым, показала, что сухопутная доставка товаров значительно повышала их стоимость, и они не могли на равных конкурировать с английской и американской мануфактурой, привозимой в Китай морем. Поэтому русские купцы были вынуждены отказаться от своих планов утверждения на китайском рынке и ограничили свою деятельность пределами Монголии.

В конце 80-начале 90-х гг. XIX в. в северо-западной Монголии сложился достаточно устойчивый контингент предпринимателей, которых в сибирских и российских деловых кругах знали как купцов-«чуйцев». Наряду с пионерами русской торговли, купеческими фирмами братьев Гилевых, Бодуновых и И.П. Котельникова, здесь стали появляться торговые предприятия, основанные бывшими служащими указанных фирм, сумевшими накопить необходимые средства для открытия сво-

его дела. В 80-е гг. XIX в. самостоятельную торговлю начали приказчики И.П. Котельникова – Н.И. Никифоров, Н.И. Ассанов, А.Д. Васенев; Гилевых – П.А. Копылов, К.И. Кузнецов, П.И. Еремин, С.П. Роголев, Г.И. Кузьмин, П.Е. Щепкин, П.М. Захаров; Бодуновых – Ф.И. Минин, С.К. Брезгин, И.Г. Игнатъев, М.А. Береженцев, П.М. Коршунов, А.Т. Головин и др.

Некоторые из них вели свои дела весьма успешно, вступали в гильдию и становились крупными предпринимателями. Из перечисленных торговцев к концу XIX в. купцами 2 гильдии стали Н.И. Ассанов, А.Д. Васенев, П.А. Копылов, И.Г. Игнатъев, С.К. Брезгин, С.П. Роголев, А.Т. Головин, а Н.И. Ассанов впоследствии станет купцом 1-й гильдии.

Таким образом, большая часть «чуйцев» происходила из непривилегированных сословий – мещан, крестьян, отставных солдат, и начинала свою предпринимательскую карьеру «снизу». Упорство и настойчивость, умение противостоят неблагоприятным обстоятельствам, способность наладить отношения с населением и местными властями, работоспособность и оптимизм – вот те качества, которые характеризовали данную группу предпринимателей. Священник Ф.А. Парняков, работавший настоятелем русской церкви при Генеральном консульстве в Урге, в своем путевом дневнике отмечал: «Отличительной чертой бийского колониста является быстрая приспособляемость к местной жизни, отличное знание языка, обычаев монголов, предприимчивость, настойчивость, спокойная уверенность в своих

силах, любезность и гостеприимство».

Похожие оценки бийских купцов давались и другими современниками. Бийский полицейский исправник В. Штейнфельд в 1911 г. писал: «Бийцы представляют счастливое исключение в истории нашей торговли с азиатскими странами. Они проявили предприимчивость, терпение, настойчивость и выносливость, они завоевали обширный рынок, развили торговый оборот с 500 тысяч рублей в конце 70-х годов до 3 миллионов в настоящее время. Они создали контингент приказчиков, знающих этот край, его быт и его язык и подготовленных практически к торговой службе в этом крае». «Чуйцы – это сибирские американцы, – вторила чиновнику столичная газета «Новое время». – Чуйцы прорыли монгольские горы и проложили дороги, чуйцы же являются теперь главными скупщиками монгольского сырья».

Успешная деятельность торговцев, помимо предприимчивости, была обусловлена и сложившейся системой взаимоотношений между предпринимателями и местным населением. Как писал русский консул в Урге В.Ф. Люба, после разрешения русским подданным свободного въезда в Монголию, «энергии, ловкости и умелости отдельных предпринимателей открыт был большой простор, причем единственным верным путем для достижения цели явились миролюбивые соглашения с монгольскими властями и населением, выгодные для обеих договаривающихся сторон».

В отличие от китайских ком- мерсантов, которые, по словам

дипломата И.Я. Коростовца, «смотрят на монголов как на низшую расу, годную лишь для эксплуатации», русские торговцы стремились установить дружеские отношения с местными жителями, завести «полезные знакомства» в среде монгольских князей и чиновников. По сообщению профессора А.М. Позднеева, улясутайский торговец Ф.И. Минин «...всегда был рад принять и угостить какого-нибудь богатого монгола и хошунного князя и никогда не отказывался ссудить в 200-300 ланлюбого приезжавшего Улясутай и израсходовавшегося здесь хошунного князя».

Контакты по поводу купли-продажи, как правило, перерастали в неформальные дружеские отношения. Русские торговцы имели множество друзей среди монголов, оказывали им помощь и поддержку. Служащие купца Н.И. Асанова организовали в Монголии оспопрививание, а доверенный фирмы Д.И. Ермолин пользовался в Кобдинском округе огромной популярностью и авторитетом. Купец А.Д. Васенев разработал целую программу развития отношений с Монголией, которая включала в себя как экономические, так и социокультурные мероприятия. Он писал о необходимости открытия русско-монгольских школ в Монголии, организации там ветеринарно-медицинской помощи.

«Монголы, – сообщал бийский купец И.Г. Игнатьев профессору А.М. Позднееву, – к русским относятся совершенно иначе, не то что бояться, а более доверчивы, чем к китайцам... Монгол к русским приезжает, как к своим монголам, по-дружески, на ночеву и более».

Дочь купца-«чуйца» В.И. Юрганова – Капитолина, которая родилась и выросла в Монголии, писала, что ее нянькой и воспитателем был монгольский лама, о котором у нее остались самые теплые воспоминания.

Обычным явлением была практика передачи местным жителям на хранение не проданных во время летнего сезона русских товаров. «Целостность товаров при этом ничем не гарантируется, – сообщал профессор А.М. Позднеев, – и всегда совершается на началах знакомства и дружбы, почему между русским купцом и кочевниками не заключается никаких условий, и плата за склад и хранение ограничивается каким-нибудь ничтожным подарком». В современных условиях, когда совершению любой сделки, тем более международной, предшествуют многочисленные переговоры и согласования и она обставляется огромным количеством бумаг, практика «нецивилизованных» бийских купцов заставляет задуматься о том, насколько мы продвинулись на пути «прогресса».

Бийские коммерсанты не ограничивались только заботами о собственном благосостоянии, но и внесли немалый вклад в изучение Монголии, содействуя снаряжению научных экспедиций, сопровождая их в качестве проводников и переводчиков, выполняя различные поручения ученых, собирая экспонаты и целые коллекции для музеев России. В дневниках и отчетах научных экспедиций Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, А.М. Позднеева, П.К. Козлова и других русских востоковедов можно встретить слова благодар-

ности бийским купцам за помощь и содействие. «Трудно даже и сказать, – писал известный монголовед, профессор Петербургского университета А.М. Позднеев, – насколько меньше были бы достигнутые мною результаты, если бы я не встречал этого доброго участия русских людей; при всей ревностно к приобретению знаний мне без их помощи, несомненно, много раз приходилось бы отступать от закрытых дверей, за которыми таился предмет познания».

Некоторые торговцы во время своих поездок по Монголии и Китаю записывали маршруты, вели дневники, писали статьи по географии, этнографии, экономике. В 1876 г. купец И.П. Котельников составил описание пути от Кобдо до Барнаула, а его приказчики А.Д. Васенев и Ерзовский записали маршруты поездок в Гучен, Сучжоу и Ганьчжоу. Путь от Кобдо до Гучена был описан К.И. Кузнецовым – приказчиком другого бийского купца В.А. Гилева. М.А. Гилев сообщил Г.Н. Потанину сведения о скотопрогонном пути от р. Чуи до р. Хархир, а купец Я.Е. Мокин – от Улангома до Улясутая.

Торговцы Я.Г. Антропов и К.И. Кузнецов в течение целого ряда лет вели метеорологические наблюдения в Кобдо и Улясутае, В.А. Палкин собирал и записывал монгольские сказки, песни, легенды, которые при содействии Г.Н. Потанина были опубликованы в «Записках» Красноярского подотдела Русского Географического общества. Купец Ф.И. Минин придумал собственный монгольский букварь, учился читать и писать по-монгольски. В 1891 г. Ф.И. Минин составил рус-

ско-монгольский словарь, насчитывавший около 5 тысяч слов, которым пользовались не только русские жители Монголии, но и ученые-востоковеды. Он составлял, но не успел закончить и монгольско-русский словарь. Его сын Михаил имел хорошую библиотеку по монголоведению, был студентом восточного факультета Петербургского университета, а затем служил в российском консульстве в Монголии.

Некоторые предприниматели входили в состав ученых обществ. Купец И.П. Котельников являлся действительным членом Русского Географического общества. Другой купец-«чуец» Н.И. Асанов с 1901 г. состоял членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а в 1902 г. был награжден медалью «За усердие» за содействие, оказанное научной экспедиции Д.А. Клеменца.

Огромную работу по изучению Монголии и популяризации знаний о ней вел доверенный фирмы бийского купца Я.Е. Мокина Алексей Васильевич Бурдуков. В 1910 г. он отправил профессору В.Л. Котвичу коллекцию дербетских вещей, в 1914 г. преподнес в дар Академии наук собрание икон и различных предметов буддийского культа. Целый ряд коллекций им был передан в музеи Томска, Иркутска и Бийска. К собиранию материалов по монголоведению А.В. Бурдуков привлек и других торговцев и торговых служащих: М.Д. Хомутова, В.Д. Оболенского, И.Я. Мокина, И.Д. Гуляева, И. Васильченко. Кроме этого, А.В. Бурдуков являлся автором многочисленных публикаций о Монголии в сибир-

ской прессе, которые, по оценкам монгольского исследователя Б. Нямдоржа, давали «русским читателям и монголоведам подробную, точную, живую информацию» о событиях в стране. За период с 1911 по 1917 г. только в газетах «Алтай» и «Сибирская жизнь» были помещены 55 его корреспонденций и путевых заметок. За активную работу по изучению Монголии Российское географическое общество наградило А.В. Бурдукова малой серебряной медалью.

Большой вклад в изучение Монголии и Китая внес бийский 2-й гильдии купец А.Д. Васенев, который во время своих путешествий вел путевые дневники, собирал образцы местных растений, проводил географические и метеорологические наблюдения, описывал исторические достопримечательности, собирал коллекции быта и культа китайцев и монголов. Одну из таких коллекций он в 1908 г. подарил Томскому университету. Немало средств он потратил на приобретение монгольских и китайских книг и рукописей и на финансирование научных экспедиций. Совместно с купцами Н.И. Асановым и Г.Г. Бодуновым А.Д. Васенев финансировал экспедицию в Монголию томских профессоров М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, оказал помощь французской научной экспедиции Шаффанжона, американскому исследователю У. Рокхиллу. Он сотрудничал с учеными-востоковедами и общественными деятелями России и Сибири – Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым, А.М. Позднеевым, Д.А. Клеменцем и другими. «Господина Васенева, – писал в 1900 г. в газете «Северный курьер»

Д.А. Клеменц, – знают все русские путешественники по Северной Монголии, начиная с Г.Н. Потанина и М.В. Певцова и оканчивая пишущим эти строки...» Путевые дневники А.Д. Васенева публиковались во многих изданиях, в том числе и в «Известиях» Русского географического общества.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что торгово-экономические и культурные связи между Алтаем и северо-западной Монголией постоянно развивались и обогащались. Важно отметить тот факт, что инициатива в их установлении и развитии принадлежала не государственным структурам и не местной администрации, а жителям приграничных регионов, находивших оптимальные способы взаимовыгодного сотрудничества. Отмечая эту особенность русско-монгольских отношений, русский ученый и путешественник Д.А. Клеменц в 1900 г. писал: «Проводниками русского влияния здесь были не дипломаты (у нас и теперь на всю Монголию один консул), не миссионеры, а только люди, явившиеся туда с чисто коммерческими целями. Это, однако же, не мешало созданию таких отношений, при которых симпатии населения всецело склоняются на сторону иноземцев-торговцев, а не в пользу представителей господствующего правительства, «неустанно пекущегося о благе подвластных народов».

Нам представляется, что исторический опыт приграничных связей на Алтае до 1917 г. дает прекрасный пример добрососедских отношений, и вполне мог бы быть использован в современном международном сотрудничестве в нашем регионе.